

Сергей Филатов.

В Петербурге учатся. В 2022г вышел пятый том «Религиозно-общественной жизни российских регионов».

Опубликовано на английском языке: “Keston’s Encyclopaedia: Volume on St Petersburg Published”, *Keston Newsletter* (London), No 36, 2022, pp. 41- 44.

В начале 2022 г. в свет вышел многострадальный V том «Религиозно-общественной жизни российских регионов». Как правило подготовка одного тома занимала у нашей команды (Ксения Деннен, Роман Николаевич Лункин и Филатов) около двух лет. Пятый том потребовал 4 года. Конечно, свой вклад в растягивание времен и сроков внесла пандемия корона вируса. Но не только в ней дело. Пятый том посвящён религиозно-общественной жизни Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Религиозная жизнь этого региона отличается разнообразием и непохожестью на остальную Россию. Несколько преувеличивая, можно сказать, что это свой особый мир. Если бы мы не знали сурового слова *deadline*, с удовольствием бы ещё 4 года в Петербурге провозились. Тем не менее, в эту книгу, какова она есть сейчас, попало много интересного. Мне даже кажется, что это лучшая книга, написанная нами. Поэтому я хочу поделиться некоторыми мыслями о петербургском православии.

«В Петербурге — учатся»

Главное отличие Петербурга от всей остальной православной России – это ориентированность на знание библейского текста, на обучение. Есть такая старая поповская поговорка: «В Москве молятся, в Петербурге учатся». Она возникла не на пустом месте. Здесь каждый приход стремится создать какой-то просветительский центр, открыть какие-то курсы. Причём стараются звать самых авторитетных лекторов – и из числа образованного священства, и из числа светской профессуры. Меня поражает, как на все эти центры хватает и лекторов, и слушателей – но, видимо, хватает. В центре большинства просветительских программ — библеистика и история Церкви. Но этим просветительство не ограничивается — российская и мировая история, искусствоведение, филология, общественные науки... Во всей остальной России подобное тоже есть, но неизмеримо меньше. Даже в Москве таких церковных центров в несколько раз меньше и, как правило, их интеллектуальный потенциал слабее.

Петербургские Духовные школы – самые мощные, самые развитые в России. Это интеллектуальный центр всей Русской Церкви. Они в какой-то степени являются локомотивом для всей митрополии. Эта ситуация сложилась ещё в послевоенные годы, когда в городе было всего несколько приходов, и все активные священники и миряне так или иначе концентрировались вокруг Академии.

Я читал в воспоминаниях владыки Владимира (*Котлярова (1929-2022); в 1995-2014 гг – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский*), что ещё во времена его молодости Московские и Петербургские духовные школы очень отличались. Жизнь Московской Академии полностью определялась Троице-Сергиевой Лаврой, учебным процессом в ней руководили монахи. Жизнь семинаристов в Сергиевом Посаде (тогда Загорске) напоминала монашескую. В то же время, Ленинградская семинария, хотя и находилась по соседству с Александро-Невской Лаврой, всегда была автономна. Руководство питерских духовных школ настаивало на том, чтобы семинаристы были всесторонне образованными, ходили в библиотеки, на выставки, в театры.

Я вижу, что и в наши дни это различие имеет место. За вычетом периода ректорства епископа Константина (Горянова), это такая петербургская традиция. Более того, в Петербурге Академия явно влияет на жизнь Лавры. Наместник Лавры, епископ Назарий, большое внимание уделяет просвещению. В Лавре действует просветительский центр, там читают лекции высококлассные преподаватели, проводятся выставки. В Троице-Сергиевой Лавре и близко нет ничего подобного.

Влияют ли Академия, епархиальные просветительские проекты на интеллектуальную жизнь светского Петербурга? Где уровень выше — в светской профессорской среде или среди учёного духовенства? О влиянии ничего сказать не могу, но по моим отрывочным наблюдениям, творческая атмосфера в Академии богаче, чем в университете. Конечно, в университете есть блестящие учёные, но общая культура страдает. Вспоминается утверждение Василия Розанова о том, что в Италии невозможна хорошая армия, потому что настоящие мужчины идут служить в Церковь. Хочется состроумничать: в Петербурге невозможны хорошие университеты, потому что умные мужчины идут служить в Церковь.

«Либералы» и «охранители»

Принято считать, что петербургское православие — более либерально, чем московское. На самом деле всё сложнее. Слова «либерал» и «консерватор» применительно к церковной жизни надо употреблять с осторожностью. Мы вынужденно пользуемся этими терминами, так как никаких других, более адекватных, у нас нет. Правильнее было бы сказать, что петербургское духовенство менее политизировано, чем московское. Келейник отец Сысой в рассказе Антона Чехова на всё говорил: «не ндравится мне это». У меня сложилось впечатление, что у большинства петербургского духовенства такая же оценка политики вообще, любых направлений. Принципиальная аполитичность. Верующие здесь гораздо менее заиклены на политике. Я посетил здесь десятков шесть приходов и общее моё впечатление: они не слишком консервативны и не слишком либеральны. Это какой-то особый «средний путь». Они — или «умеренные консерваторы», или «умеренные либералы», смотря что понимать под этими терминами.

Я встречался с тремя явными консерваторами среди петербургского духовенства, не укладывающимися в петербургский мейнстрим — протоиереем Владимиром Сергиенко, протоиереем Геннадием Беловоловым и протоиереем Александром Захаровым. Эти священники наиболее популярны среди консерваторов. Все трое — противники демократии и либерализма в политике, все трое — сторонники верности святоотеческим заветам в церковной жизни. Все с недоверием относятся к доминирующей в епархии линии. Все открыты к честной серьёзной дискуссии, все ведут большую социальную работу. Они произвели на меня очень приятное впечатление, хотя я и не разделяю их взглядов. К сожалению, не все консерваторы в Русской Церкви таковы.

В митрополии наберётся ещё десятка два-три менее заметных священников, которых по питерским меркам можно назвать консерваторами, но активных священников-сталинистов в Петербурге и окрестностях вообще нет (или они прячутся где-то по таким глухим углам, что их никто не видит и не слышит).

Есть группа публицистов, сконцентрировавшаяся вокруг информагентства «Русская народная линия» — Анатолий Степанов, диакон Владимир Василик... Они позиционируют себя как патриоты, готовые кинуться в бой за «советскую Церковь». В разгар пандемии заявила о себе радикальная, по петербургским церковным меркам, общественная организация «Народный собор», которую в Петербурге возглавил некто

Анатолий Артюх. Несколько месяцев пошумели, церковноначалие попугали — и исчезли. Все эти группы яркие, шумные, но совсем не репрезентативные для Петербурга. Объективно здесь они чувствуют себя на обочине церковной жизни. Священноначалие их явно не поддерживает, но почти и не преследует. А народ они больше веселят, чем раздражают.

Имперский дух

Важная черта православного Петербурга – приверженность имперской традиции. Каждый приход здесь держится за свою историю, чтит память о самодержцах, князьях и графьях, министерствах, полках и общественных организациях, которые строили петербургские храмы. Даже те, кого принято считать либералами, с пиететом говорят о наследии царской России. Взять хотя бы протоиерея Георгия Митрофанова. Про него пишут, что он либерал, — но он называет Синодальный период лучшим периодом в истории РПЦ. Тогда как московские либералы обычно Синодальное правление только ругают.

Российская империя для православного Петербурга – это, прежде всего, не определённый политический строй, а великая культура. Которую петербуржцы тщательно берегут. Современные римляне не стремятся возродить Римскую империю, но гордятся тем, что они — её наследники. Так же и питерские имперцы. Применительно к ним связующая нить времен, хотя и сильно истончилась, но не прервалась. До сих пор есть представители старой городской элиты, которые ходят в тот же храм, что и их славные дореволюционные предки. Кто-то при советах прятался, а сейчас появляется, кто-то начинает приезжать из-за границы.

Многие учреждения в Петербурге возрождают свои домовые храмы. Так, мне показался очень интересным приход при Вагановском училище. Там регулярно молятся об императрице Анне Иоанновне (пожалуй, самой презираемой российской императрице), основательнице системы хореографического образования в России, а многие знаменитые балерины и танцовщики подарили приходу иконы из своих коллекций. Для Петербурга это — типичный случай.

Петербургские владыки

Частая смена архиереев в наше время – обычное явление. Причём разумного объяснения многим назначениям не найти. В слабой, особенно молодой епархии смена владыки приводит к радикальным переменам во всей епархиальной жизни. Но к Питеру это не относится. Здесь так запросто всё не поменяешь. Характерный пример – митрополит Иоанн (Снычёв; митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский в 1990-1995 гг.). Он был совсем не петербургской культуры человек, и реально он ничего здесь не изменил.

Нынешний петербургский митрополит разумно не вмешивается в епархиальную жизнь и даёт Петербургу существовать так, как этот город привык. Люди, которые с ним общаются, говорят, что у него менталитет советского человека, он любит советское прошлое, советскую попсу. Не то, чтобы он был принципиально против просвещения, но высокая ценность образования кажется ему излишней. Кто-то говорит, что для Петербурга больше подходил бы такой владыка, как предыдущий ректор Академии Амвросий, но это спорный вопрос. Может быть, назначение митрополитом Варсонофия было разумным с точки зрения Патриархии – всё-таки, должен быть хоть какой-то противовес питерскому «междусобойчику». Чтобы они совсем в отрыв от остальной Церкви не пошли.

Патриарх Кирилл – уроженец Петербурга, и петербургская культура на него, конечно, повлияла. Конечно, он прекрасно знает, что такое православный Петербург, и сам, наверное, ощущает себя его частью. Кирилл — продолжатель политики своего учителя, митрополита Никодима. А Никодим оставил наибольшее число учеников в этом городе, и Академия в современном виде во многом создана им.

Важная составляющая петербургской православной культуры – это какой-то, я бы сказал, активизм в самых разных направлениях. Когда думаешь, что отличает «питерских» православных от всех остальных, то остаётся, как в книге про Алису, вот эта самая «улыбка от кота». Московские священники главной своей задачей считают блюсти обычаи предков. А в Петербурге все постоянно ищут какие-то новые пути. Даже в плане литургическом – и так послушим, и эдак. И по древнему чину, и по-русски.

В монастырях Петербурга (вернее, во многих случаях, в монастырских подворьях, по имперской традиции большинство петербургских монастырей являются подворьями монастырей из разных городов России) бурлит просветительская, научная и социально-благотворительная жизнь в значительно большей степени, чем где-либо в России.

В Петербурге давно существует движение сторонников создания униатского католического богослужения в Православной Церкви, (то есть, служить на латыни — как было принято до II Ватиканского собора у католиков, — а вероучения придерживаться православного). Митрополит Никодим (*Ротов; председатель ОВЦС (1960-1972 гг), митрополит Ленинградский и Новгородский (1963-1978 гг)*) поэтому органично вписался в петербургскую жизнь.

Никодимовское наследие – это стремление сделать Церковь активной, хорошо организованной, как у католиков. При этом католиков никодимовцу можно любить, а можно и не любить. Присутствие «никодимовщины» и ее амбивалентность в Петербурге особенно заметны. Здесь пожилые священники с гордостью говорят: «я – никодимовец» (один совсем молодой священник сказал мне: «я потомственный никодимовец»).

По своим политическим и церковно-общественным взглядам все никодимовцы очень разные — есть и западники, и антизападники. Но все они люди деятельные, в душе новаторы. Церковь для них – это движение, они постоянно говорят, что «Церковь – это вам не болото какое». Это радикально отличает петербургскую традицию от старомосковской. Москвичам лишь бы всё было поспокойнее («не дай Господь, нам жить в эпоху перемен»). А питерцы вечно хотят как-то «получше сделать».

Неудивительно, что в Петербурге социальное служение развивается очень бурно. Причём Петербургская митрополия стала пионером развития в принципе новых для России служений. Например, детских хосписов и сохранения семей.

Движение священника Георгия Кочеткова: это, во многом, петербургское явление. Он ведь начинал свою деятельность в Петербургской Академии, и в Петербурге сегодня к нему относятся совершенно иначе, чем в Москве и других городах. Везде они держатся замкнутыми боевыми группами, а в Петербурге они стали органичной частью церковной жизни. Их здесь приняли, и они, в свою очередь, ведут себя здесь мягче, деликатнее. Потому что чувствуют себя дома.